

VOX REDACTORIS

MEMORY OF THE WAR: DOCUMENTS AND IMAGES

Dear colleagues and readers, Please allow us to present the first issue of *Quaestio Rossica* for 2014, in which we continue to publish research in the humanities. We are grateful to all the readers who sent in their comments on the previous issue and hope to keep meeting your expectations henceforth. Every time period is unique for researchers; however, there seems to be a hidden magic behind ‘anniversary’ dates. Perhaps, it is because anniversaries function somewhat similar to lenses: just as convex lenses focus light, anniversaries focus our memory. They also magnify the subject, or do they, in fact, exaggerate it? They clarify our ideas about the subject, or do they, in fact, distort those ideas? While peering intensely into something, while plunging our whole being either in the past or in existing objects, events, and images, do we not infuse them with values that are not inherent to them?

How can one avoid this risk of aberration? How can one find a golden mean between “sobriety vs fantasy”, using Immanuel Wallerstein’s expression?¹ Perhaps first and foremost, one must not be afraid of risk. Otherwise, the temptation of a postmodern critical consciousness suggests that we should close our eyes, not peer and not listen too closely because everything we see and hear is a mirage. It is nothing but a game performed by our consciousness and subconsciousness. However, we should avoid such an attitude. While allowing ourselves to fall prisoners to anniversary dates, and deciding to pick up this lens, we have ventured into one of the themes revealed by the dates, the theme of war, but we have committed ourselves to presenting documents, large-scale comparisons, and a variety of sources.

This year, two events of military history seem to define the main thematic trends. Two hundred years ago, in the spring of 1814, the allied forces led by the Russian Emperor Alexander I entered Paris, ending the epoch of Napoleon and marshalling a new world order. A hundred years ago, in the summer of 1914, the First World War began, the war that brought irrevocable changes to the world and consequently compelled people to bid farewell to an illusory belief in the triumph of human genius, a belief encouraged by the fruits of scientific and technological progress. Without a doubt, those were very different wars, and not merely in terms of weapons, tactics and

---

¹ This is how the scientist formulated the main task for an analytic who tries to comprehend the contemporary condition and perspectives of world development: “It is rather the proper combination of sobriety and fantasy that we must look for” [Валлерстайн, с. 167]. We must think this sort of approach productive for any researcher in humanities, including the historian.

strategy of military action. They were and are different in the perceptions of the mass consciousness as well as professional memory. Even though they have been thoroughly contemplated, variously described in textbooks, repeatedly interpreted in the contexts of various cultural backgrounds, and in the process have become subjects of art either in literature, painting, or cinema, these two wars still require our attention, independently or as examples of war in general.

Any war emerges as a whole universe for people involved and their descendants. Drawing a human into its destructive vortex, the war creates a condition which Russian historian Igor Narskiy very accurately described as 'life inside the catastrophe'. Equally, soldiers and civilians, whose dwellings and destinies are ruined by war, are forced to live inside the 'catastrophe of war', the environment generally not fit for life.

How is this life arranged; what practices does a 'person in war' come up with; how is the image of the enemy formed; what do survivors carry on and leave for the next generations; and how does physical and mental adaptation happen after the war ends? All these questions – asked not from the position of classic military history, but rather from the viewpoint of 'anthropologizing' history – have formed the core of this issue, making up the contents of the "Problema voluminis" section.

Following in chronological order, the first section opens with two articles by renowned experts in the history of the Napoleonic Wars. Marie-Pierre Rey, Professor at the University of Paris 1 Panthéon-Sorbonne, introduces us to the world of Paris in the spring of 1814, when the inhabitants of the capital of France had been expecting with awe and terror the arrival of the barbaric Russian troops. Their encounter and side-by-side living continued from several months, up to several years. The focus of the article is the mutual impressions of the participants in that contact; however varied, they appear equally destructive for the stereotypes of subsequent perceptions.

The Russian historian Vladimir Zemtsov refers to one of his favorite themes, the Battle of Borodino, commenting on a new series of French sources on this great battle, published in 2012. Both articles coincide in describing the final stage of the Napoleonic wars through the perceptions of their contemporaries, which is achieved via the analysis of a hefty amount of authentic documents.

The articles devoted to World War I offer developments in the interpretation of this drama, which has overshadowed the beginning of the twentieth century. Olga Porshneva refers directly to the situation of the war years in her text, revealing the mechanisms of the evolution of the image of the German enemy in the consciousness of Russian soldiers. Hannes Leidinger's article, based on video and photographic materials from the Austrian archives, describes a similar process, the formation of an image in the mass consciousness, this time across the front line. Dr. Leidinger focuses on the methods in which visual imagery influenced the mass ideas of Austro-Hungarian subjects about the Eastern Front.

Reinhard Nachtigall dedicates his study, involving a wide spectrum of sources, to the destinies of German prisoners in different countries, including Russia. Vladimir Motrevich and Alexander Smykalin summarize many years of fieldwork on uncovering the burials of prisoners in the Urals and Siberia from the armies of the Triple Alliance, suggesting strategies for rethinking those memorials.

Three more articles are devoted to various forms of representing war in the memory of subsequent generations. Nikolai Baranov refers to professional historical sources and suggests an analysis of productive historical trends in studying the phenomenon of war in contemporary German historiography. Georg Wurzer studies the novels of Edwin Erich Dwinger, an influential German writer, whose experience in Russian captivity at the beginning of the 20th century has suddenly come to be in demand during the Second World War. His novels are outlining a new aspect of the European war drama for the Russian reader, complementing the classics of Remarque.

The only article from the “War block” of this issue, concerning chronologically different events, i. e., WWII, is by Elena Prikazchikova. However, the Editors have found it both relevant and useful to publish this article here. Dedicated to the stereotypes of the warriors’ behavior of the Soviet and German pilots, this study is based on unique materials from diaries and memoirs of the elite in both armies. It certainly gives food for thought about the evolution of the consciousness of the professional military in the dynamics of the one-and-a-half-century history of the late modern and contemporary period in Europe.

However, as we have announced in the previous issue, the core theme of this volume is by no means limiting. In the section titled “*Scientia et vita*” we continue publishing our colleagues’ essays about their unique journeys into the world of Russian history and culture. The feedback on our previous publications of that sort proved that the chosen angle is in demand and interesting for the readers. This can hardly be surprising because the essays’ authors create a unique series of historical sources that are emotional, sincere, and, in the best meaning of this word, subjective. Their relevance is not limited by notorious ‘actuality’; they are destined to serve future generations of humanitarians by relying on emotion as well as personal and professional reflexivity. In this issue, the stories of ‘their Russia’ are shared by the German historian, Gertrud Pickhan, and the outstanding Suomi linguist and philologist, Arto Mustajoki.

Another section of the issue, “*Hereditas: nomina et scholae*”, is, in the opinion of the editorial board, destined for a long life. It opens with an article by Dmitry Serov who tells a story about the dramatic fate of a gifted scholar and an unfairly underestimated Soviet historian, Nikolay Voskresenskiy. This biographical essay is not just another biography; an intense introduction of materials and a masterfully constructed exposition allow the reader to see a wide panorama of the complex and tragic processes, which was characteristic of the Russian historical milieu in pre-

and postwar years. Along with the main character in Serov's text, as if in a play, several personages act, often violating their roles, creating heroes and anti-heroes; their characters are unfolded, their routines exposed, and in the process, the reader faces latent professional contradictions and human actions that made up the fabric of scientific life in Leningrad in the 1930s and 1940s.

A detailed essay by one of the leading Hungarian historians of Russia, Gyula Szvák, reconstructs the development of Russian studies both in history and philology in Hungary at the turn of the 20th-21st centuries. With unimpeachable knowledge, Professor Gyula Szvák, one of the main organizers and inspirations of modern Hungarian Russian studies, describes the unique atmosphere of intense and fruitful intellectual life happening within the Budapest School of Russian Studies, centered around Eötvös Loránd University (ELTE) in Budapest. Broad scientific interests in this circle, which range from the history of Russian-Hungarian relations in the 9th-10th centuries A.D. to the painful issues of the post-Soviet period, as well as noteworthy publishing productivity of our Hungarian colleagues, both in Budapest and in other universities in Hungary, suggest that their contribution to the global field of Russian Studies is certainly formidable.

The "Disputatio" section of this volume suggests thematic diversity, beginning with an article by Chester Dunning, devoted to the disputed issue of the foundations of early modern states, the so called "fiscal-military states." In his renowned polemical style, the distinguished American historian provides a comparative analysis of the realities of the Moscow State (Muscovy) and the Kingdom of Castile in the 16th century. Without commenting on the contents of the article, we welcome the approach of the author, who aims to broaden the European historical context by overcoming the artificial notion of 'European' as intentionally 'Western European,' created and nurtured by the tradition of historical writing in the 19th century. This approach highlights the productivity of engaging in a comparative study of European periphery, both in the West and in the East of the subcontinent.

Developing the theme of the evolution and continuity of the cultural process in the late Middle Ages and early modernity, Irina Dergacheva's article on ancient Russian Synodicons adds to this section. Their development emphasizes authors' interventions that in fact define the trajectory of collective memory. The section ends with Andreas Keller's article on Andreas Knauf, the Urals manufacturer of German origin. This article is a follow-up to research published in the previous issue of *Quaestio Rossica*; this part is illustrated with unique watercolors of the beginning of the 19th century, depicting everyday life of German artisans who by a twist of fate ended up in the heart of industrial Urals.

The "Dialogus" section, where we publish interviews with authors of new research, sometimes in preliminary stages of publication, offers a dialogue between Konstantin Bugrov, the Editorial Board member of *Quaestio Rossica*, and Professor Vladimir Babintsev, Dean of the Faculty of

History at Ural Federal University, who is known for his celebrated Russian translations of the classics of modern French historiography, including Jacques Le Goff, Emmanuel Le Roy Ladurie and Pierre Chaunu. In this case, the focus of the talk settles on new work by Babintsev: a translation, replete with commentary, of the authentic historical source, the first volume of the *Russian Diary* by Pierre Pascal, a member of the French military mission in Russia during the First World War. Babintsev studies the context of analyzing the author's biography, the peculiarities of everyday life in wartime and the revolutionary situation in Russia.

This issue ends with two reviews: one by Vladimir Zemtsov, who highly appraises an undoubtedly professional book, *Alexander I* by Marie-Pierre Rey, and one by Sergei Smirnov about a monograph by E.V. Yakovkin, *Russian soldiers of the Kwantung Army*, which is, in his view, not sufficiently polished.

Editorial Board
Translated by Anna Dergacheva

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ: ДОКУМЕНТЫ И ОБРАЗЫ

Уважаемые коллеги и читатели журнала. Перед вами первый номер *Quaestio Rossica* за 2014 год, где мы продолжаем публиковать результаты гуманитарных изысканий. Мы благодарны всем читателям, приславшим свои отзывы о предыдущем номере, и надеемся не обмануть ваши ожидания.

Любое время уникально для исследователя, но есть скрытая магия круглых дат. Наверное, потому, что круглые даты чем-то напоминают линзы: как эти выпуклые стекла фокусируют свет, так и юбилеи фокусируют нашу память. А еще увеличивают предмет – или преувеличивают? А еще проясняют наши представления о нем – или искажают? Ведь напряженно всматриваясь во что-то, погружаясь всем своим существом – в прошлые ли, в настоящие ли предметы, события, образы – не придаем ли мы им значения, им не присущие?

Что можно противопоставить этому риску аберрации? Как найти золотую середину между «трезвостью и фантазией», пользуясь образным выражением Иммануила Валлерстайна²? Наверное, в первую очередь, надо не бояться рисков. Ведь в противном случае, соблазн постмодернистских рефлексий подскажет нам: закрой глаза, не всматривайся, не вслушивайся; все, что ты увидишь и услышишь – это

---

² Именно так определил ученый главную задачу аналитика, пытающегося понять современное состояние и перспективы мирового развития: «То, что мы должны отыскать – скорее правильное сочетание трезвости и фантазии» [Валлерстайн, с. 167]. Полагаем, такой подход продуктивен для любого исследователя-гуманитария, в том числе историка.

мираж, игры твоего собственного сознания и подсознания. Но, как говорится, это не наш выбор. Позволив себе плениться очередными круглыми датами, взяв в руки эту линзу, мы рискнули обратиться к одной из тем, подсказанной датами – к теме войны, взяв за основу многообразие документальных источников и интерес к масштабным сопоставлениям.

В этом году два события военной истории определяют тематические тренды. 200 лет назад, весной 1814 г., союзные войска во главе с российским императором Александром I вошли в Париж, положив конец эпохе Наполеона и возвестив начало нового миропорядка. А 100 лет назад, летом 1914 г., началась Первая мировая война, после которой мир бесповоротно стал другим, навсегда распрощавшись с иллюзорной верой в торжество человеческого гения, вооруженного плодами научно-технического прогресса. Без сомнения, это очень разные войны, не только с точки зрения вооружений, тактики и стратегии военных действий. Они разные по восприятию в сегодняшнем массовом сознании и профессиональной памяти. Осмысленные и неоднократно проинтерпретированные в контекстах различных культурных традиций, по-разному поданные в учебниках, ставшие достоянием художественных произведений: в литературе, живописи, кинематографе, – две эти войны по-прежнему требуют нашего внимания – и сами по себе, и как примеры войны вообще.

Любая война – это целая вселенная для вовлеченных в нее людей и их потомков. Затягивая в свой разрушающий крутоворот человека, война формирует то состояние, которое российский историк Игорь Нарский очень точно назвал «жизнью в катастрофе». Жить в катастрофе войны – среде, в общем-то, для жизни не приспособленной, приходится и солдату, и мирным людям, по чьим жилищам и судьбам проходит война. Как устраивается эта жизнь, к каким практикам приходится прибегать «человеку в войне», как формируется образ врага, что носят в себе пережившие войну, что оставляют они тем, кто приходит за ними, как происходит преодоление войны – физическое и ментальное – после того, как война заканчивается? Все эти вопросы, главным образом заданные не с позиций классической военной истории, а скорее, с позиций истории антропологизирующей, сформировали ядро очередного номера нашего журнала, составив содержание рубрики «*Problema voluminis*».

Повинуясь хронологической последовательности, рубрику открывают две статьи известных специалистов по истории наполеоновских войн. Профессор университета Париж-1 Пантеон-Сорбонна Мари-Пьер Рей вводит нас в мир Парижа весны 1814 г., когда жители столицы Франции, с трепетом и ужасом ожидавшие прихода варварских русских войск, столкнулись с ними воочию и прожили бок о бок достаточно долго – от нескольких месяцев до нескольких лет. В фокусе повествования – взаимные впечатления сторон от этого кон-

такта; впечатления разные, но однозначно разрушающие стереотипы последующего восприятия. Российский историк Владимир Земцов обращается к одной из любимых своих тем – Бородинскому сражению, комментируя комплекс новых, опубликованных в 2012 г. французских источников об этом великом сражении. Обе статьи роднит, по меньшей мере, то, что заключительный этап наполеоновских войн подается авторами через восприятие событий их современниками, что достигается благодаря анализу значительного пласта аутентичных документов.

Статьи, посвященные Первой мировой войне, раскрывают перед читателем несколько пластов осмысления этой драмы, знаменовавшей начало XX в. Непосредственно к ситуации военных лет отсылают в своих текстах Ольга Поршнева, раскрывающая механизмы формирования образа немца как врага в массовом сознании русских солдат; Ханнес Лейдингер, чья статья на основании кино- и фотодокументов из австрийских архивов повествует, по сути, о сходном процессе – формировании образа противника в массовом сознании, только по другую сторону линии фронта. Следует отметить, что доктор Лейдингер концентрирует свое внимание на визуальных способах воздействия на массовые представления подданных Австро-Венгрии о Восточном фронте.

Судьбам немецких военнопленных в различных странах, в том числе в России, на основании большого круга источников посвящает свое исследование Райнхард Нахтигаль. Многолетние полевые изыскания захоронений пленных солдат армий Тройственного союза в Урало-Сибирском регионе, соединенные с мыслями о современной судьбе мемориалов, представлены в статье Владимира Мотревича и Александра Смыкалина.

Еще три статьи посвящены различным формам интерпретаций войны в памяти последующих поколений. Николай Баранов обращается к профессиональным студиям и предлагает анализ продуктивных историко-культурных направлений изучения феномена войны в современной германской историографии. Георг Вурцер открывает художественный мир романов Эриха Двингера, известного немецкого писателя, чей опыт русского плена начала века оказался востребованным во времена Второй мировой войны. Его романы очерчивают новый (для российского читателя) аспект европейских военных драм, дополняющий классику Ремарка.

Единственная статья «военного блока», хронологически относящаяся к другим событиям – Второй мировой войне, – принадлежит перу Елены Приказчиковой. Тем не менее, редколлегия сочла уместным и полезным публикацию статьи в этом номере. Посвященная стереотипам воинского поведения, характерным для советских и немецких летчиков-истребителей, основанная на дневниках и мемуарах элиты вооруженных сил воюющих армий, статья дает богатую пищу для рассуждений об эволюции сознания профессиональных военных

в динамике полуторавековой истории войн позднего Нового и Новейшего времени на европейском континенте.

Тем не менее, как анонсировалось в предыдущем номере, основная тематика очередного тома не исчерпывает его содержания. В рубрике «*Scientia et vita*» мы продолжаем публиковать эссе наших коллег, в которых они рассказывают о собственном пути в мир русской истории и культуры. Отклики на первые публикации такого рода показали, что найденный ракурс оказался чрезвычайно востребованным и интересным для читателей. Наверное, это неудивительно: ведь авторы эссе создают уникальный корпус исторических источников, эмоциональных и искренних, субъективных в самом положительном смысле этого слова, чье значение не исчерпывается пресловутой «актуальностью», но затрагивая чувства и побуждая к личностной и профессиональной рефлексии современников, будет служить многим поколениям последующих гуманитариев. В этом выпуске журнала историями о «своей России» делятся немецкий историк Гертруда Пикхан и выдающийся финский лингвист и филолог Арто Мустайоки.

Еще одна рубрика – «*Hereditas: nomina et scholae*», которой, по мнению редколлегии, уготована долгая жизнь, открывается статьей Дмитрия Серова о драматической профессиональной судьбе яркого и явно недооцененного советского историка права Николая Воскресенского. Этот очерк – не просто биография одного из... Благодаря насыщенному материалу и мастерски построенному изложению, читатель получает возможность увидеть широкую панораму сложных и, порой, трагических процессов, характерных для российской исторической науки предвоенных и послевоенных лет. Наряду с главным героем в повествовании, как в спектакле, действуют, нарушая свои амплуа, антигерои и герои второго плана; разворачиваются характеры, раскрываются будни, внутрицеховые противоречия и человеческие поступки, составлявшие ткань научной жизни Ленинграда 1930–1940-х гг.

Обстоятельный очерк одного из ведущих венгерских историков-русистов Дюлы Свака реконструирует картину развития русских исследований – и в области истории, и в области филологии – в Венгрии на рубеже XX–XXI вв. Профессор Дюла Свак, едва ли не главный организатор и вдохновитель современной венгерской русистики, с несомненным знанием предмета и основательностью описывает уникальную атмосферу напряженной и плодотворной интеллектуальной жизни, сформировавшей на сегодняшний день феномен будапештской школы русистики, сконцентрированной вокруг Центра русистики Университета им. Лоранда Этвёша. Широта научных интересов (от истории русско-венгерских отношений в IX–X вв. до злободневных проблем постсоветского периода) и публикационная продуктивность венгерских коллег, как в Будапеште, так и в других университетах Венгрии, позволяет говорить о их весомом вкладе в мировую русистику.

Тематическим разнообразием отличается рубрика «Disputatio», которая начинается статьей Честера Даннига, посвященной дискуссионному вопросу о становлении государств раннего Нового времени, так называемых *fiscal-military states*. В свойственной ему полемической манере, известный американский историк проводит сравнительный анализ реалий Московского государства (Московии) и Кастильского королевства XVI в. Не комментируя содержания статьи, хочется приветствовать сам подход автора, направленный на исследование широкого европейского исторического контекста, на преодоление искусственного, культивированного традицией историописания XIX в., понимания *европейского* как явно или интенционно *западноевропейского*; подчеркивающий продуктивность компаративного изучения европейской периферии как на западе, так и на востоке субконтинента. Как бы развивая тему эволюции и континуальности реалий культурного процесса позднего Средневековья и Нового времени, рубрику продолжает статья Ирины Дергачевой о древнерусских Синодиках. В их истории выделяются яркие страницы авторского вмешательства, по сути формирующие направление коллективной памяти. Завершает раздел статья Андрея Келлера об уральском промышленнике немецкого происхождения Андрее Кнауфе, продолжающая исследование, опубликованное в предыдущем номере; данная часть иллюстрирована уникальными акварелями начала XIX в., показывающими быт немецких мастеровых, оказавшихся, волею судьбы, в самом сердце горнозаводского Урала.

В рубрике «Dialogus», где публикуются интервью с авторами новых, иногда еще только подготовленных к печати научных трудов, представлена беседа члена редколлегии нашего журнала Константина Бугрова с профессором, деканом исторического факультета УрФУ Владимиром Бабинцевым, известным своими блестящими переводами на русский язык трудов классиков французской историографии новейшего времени, в том числе Жака Ле Гоффа, Эммануэля Ле Руа Ладюри, Пьера Шоню. В данном случае в центре внимания собеседников – разговор о новой работе В. Бабинцева: переводе и комментировании аутентичного исторического источника, первого тома «Русского дневника» Пьера Паскаля, члена французской военной миссии в России времен Первой мировой войны в контексте непростой биографии автора, особенностей военного быта и революционной обстановки в России.

Завершается журнал рецензией Вл. Земцова, высоко оценивающего бесспорно профессиональную книгу М.-П. Рэй об Александре I, и отзывом Сергея Смирнова о недостаточно профессиональной, по его мнению, монографии Е. В. Яковкина «Русские солдаты Квантунской армии».

Редколлегия

Валлерстайн И. После либерализма : пер. с англ. / под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М. : Едиториал УРСС, 2003. 256 с. [Vallerstajn I. Posle liberalizma : per. s angl. / pod red. B. Yu. Kagarlitskogo. M. : Editorial URSS, 2003. 256 s.]